

Дипломатическая подготовка как путь к суверенитету: анализ дипломатических школ незападных стран

Ирина Владимировна Киселева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Иван Сергеевич Хлудов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Анастасия Игоревна Гладышева, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Артем Константинович Адрианов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Валерий Александрович Перунов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Сергей Александрович Давыдов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье изучается взаимосвязь между степенью суверенности национальных школ подготовки дипломатических кадров в странах Глобального юга и проактивностью внешней политики этих государств в рамках региональных подсистем международных отношений. Актуальность исследования обусловлена усиливающимся влиянием незападных стран в мире и повышением их значимости во внешнеполитической стратегии России. В качестве объекта исследования были выбраны государства, стремящиеся проводить наиболее активную политику: на Ближнем Востоке и в Северной Африке – Египет, Иран, Саудовская Аравия и Турция, в Африке южнее Сахары – Нигерия, Эфиопия и ЮАР, в Латинской Америке – Бразилия, Куба и Мексика. Основу методологического инструментария составляет кроссрегиональный анализ, предусматривающий сравнение специфики подготовки дипломатов в отдельных странах и регионах мира, а также биографический метод, позволяющий отследить карьерные треки ведущих представителей внешнеполитических ведомств. Теоретическую основу исследования составляют отдельные постструктуралистские, постколониальные, неомарксистские и посткритические работы, посвященные суверенитету в периферийных и полупериферийных странах. Отдельно проанализированы подходы к определению значимости дипломатии как института и концептуализации взаимосвязи между дипломатическими практиками государств и их ролью в региональных подсистемах международных отношений. Результаты исследования частично подтвердили гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем суверенности (развитости) национальных школ подготовки дипломатов и степенью суверенности внешнеполитического курса этих стран. При этом суверенность и развитость дипломатической школы не всегда эквивалентны: последнее качество в большей степени способствует укреплению позиций страны в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дипломатия, дипломатические школы, Глобальный юг, суверенитет, региональная подсистема

Введение

С 1990-х гг. мировое развитие характеризуется процессами регионализации (интенсификация связей на региональном уровне) и глокализации (сочетание глобализации с нарастанием локальной дифференциации и укреплением региональных связей)¹. Распад биполярной системы международных отношений, снижение роли США в мировой политике и экономический подъем незападных государств определили возвышение региональных держав и, как следствие, расширение регионального взаимодействия и формирование региональных подсистем. Именно незападные страны демонстрируют наиболее решительное и обоснованное стремление к реструктурированию регионального пространства.

При этом одним из ключевых инструментов утверждения влияния в регионе по-прежнему остается дипломатия. Грамотная подготовка дипломатических кадров в соответствии с национальными интересами является залогом проведения когерентной политики, обеспечивающей укрепление позиций государства на региональном уровне. Необходимость осмысления внешнеполитических амбиций региональных держав², их потенциала и дипломатических практик обуславливает актуальность изучения подготовки дипломатических кадров в незападных государствах.

Цель нашего исследования – выявить особенности влияния национальной специфики подготовки дипломатических кадров на степень проактивности внешней политики государств незападного мира. Таким образом, гипотеза сформулирована следующим образом: сохранение внешнеполитической инициативы у этих стран на региональном уровне в том числе зависит от развитости школы дипломатической подготовки.

В рамках настоящей работы рассматриваются ближневосточная, латиноамериканская и африканская региональные подсистемы. Государства именно этих регионов на протяжении веков находились в колониальной или полуколониальной зависимости, а их институты, в том числе образование и дипломатия, развивались исключительно по образцу метрополий. В этой связи крайне важно рассмотреть, как бывшим колониальным государствам удастся адаптировать национальную систему подготовки дипломатических кадров к новым реалиям мировой политики, осуществляя их перестройку от цели служения условной метрополии к защите собственных интересов. При этом акцент в исследовании сделан на изучении дипломатических школ тех государств, которые наиболее успешно реализуют потенциал дипломатического ресурса и стремятся проводить наиболее проактивную внешнюю политику: на Ближнем Востоке и в Северной Африке – Египет, Иран, Саудовская Аравия и Турция, в Африке южнее Сахары – Нигерия, Эфиопия и ЮАР, в Латинской Америке – Бразилия, Куба и Мексика. Для исследования были выбраны «модельные» страны, либо представляющие собой примеры государств, ориентированных на реализацию особых паттернов развития, либо выступающие в роли явных субрегиональных лидеров. Среди ближневосточных государств выбраны три, явно

1 Schulzetal 2001.

2 Терминологическая разница между регионом, региональной подсистемой и пространством, а также критерии региональной державы подробно прописаны в следующей статье: Воскресенский 2012, 46–52.

стремящиеся к лидерству: Саудовская Аравия, Турция и Иран, при этом вне поля изучения остаются, например, меньшие по масштабу государства Персидского залива. В качестве «модельного» государства Северной Африки, ориентированного на проведение проактивной внешней политики, выбран Египет. Среди государств Африки южнее Сахары выбраны субрегиональные лидеры: в Западной Африке – Нигерия, в Южной Африке – ЮАР, в Восточной Африке – Эфиопия. Среди стран Латинской Америки в качестве предмета изучения были выбраны Бразилия (явный лидер в регионе Южной Америки), Мексика (крупная держава, претендующая на лидерство среди латинских стран в регионе Северной Америки и Карибского бассейна), а также Куба, представляющая собой пример государства, ориентированного на реализацию собственного паттерна внутривластного и внешнеполитического развития. В то же время восточноазиатская и южноазиатская региональные подсистемы остаются вне фокуса внимания авторов, поскольку в данных регионах присутствуют державы, претендующие на более значимый вес в международных отношениях, чем влияние на региональном уровне (например, Китай и Индия).

Собранные первичные данные охватывают преимущественно 2010–2020-е годы. Подобный разброс источниковой базы определяется прежде всего функционально-региональным подходом исследования, в соответствии с которым дипломатическая подготовка определяет внешнюю политику региональных держав. В качестве первичных источников были использованы учебные планы университетов, библиометрические данные вузов, составленные авторами информационные справки о высших дипломатических кадрах, новостные сводки, посвященные вопросам дипломатической подготовки и внешней политики.

Методологически исследование опирается на кроссрегиональный анализ, предусматривающий сравнение регионов по заранее выделенным критериям. В нашем случае речь идет о дипломатической подготовке и суверенности региональных игроков. Дополнительно применялся биографический метод, позволяющий отследить карьерный путь знаковых фигур во внешнеполитических ведомствах указанных стран.

Дальнейшая структура статьи состоит из критического обзора исследований о подготовке дипломатов, осмысления суверенитета сквозь призму постколониализма, трех региональных разделов, в которых сопоставляются позиционирование региональных держав и степень развития их дипломатической школы. Каждый эмпирический раздел предваряется общей характеристикой региональной подсистемы. Далее следует разбор внешней политики и дипломатической школы, позволяя тем самым проследить взаимосвязь между качественным производством дипломатических кадров и проактивной внешней политикой в регионе. В заключении приводятся общие выводы, а именно: доказывається значимість настоящего исследования для постколониальных теорий, дипломатических исследований и зарубежного регионоведения в целом.

Дипломатическая подготовка: между институтом и бюрократией

В литературе, посвященной дипломатии как таковой, редко освещается непосредственно процесс дипломатического обучения. Зачастую фокус научных

работ смещен в сторону изучения дипломатии как особого института¹, инструмента внешней политики² или сообщества практик³. В этой связи главной задачей данного раздела является выделение дипломатической подготовки как отдельного объекта для изучения.

Первая попытка обобщить дипломатический опыт представлена в трудах деятелей эпохи Нового времени⁴. Впоследствии в XX в. работы Г. Никольсона⁵ и Э. Сатоу⁶ получили статус классических. Прескриптивный характер их рассуждений во многом роднит эти научные изыскания с учебными пособиями. Как итог, их праксиологические работы фактически описывали идеал дипломатической подготовки. В равной степени эти суждения применимы к отечественным работам по дипломатическому протоколу и этикету⁷.

Значимости дипломатии в укреплении внешнеполитического влияния в научном дискурсе посвящен широкий пласт исследований. Основоположник классического реализма Г. Моргентау рассматривал дипломатию как один из компонентов мощи⁸. При этом, в отличие от других факторов силы, которые фактически описываются им как «статичные», дипломатия рассматривается как «активный» компонент, выполняющий инструментальную функцию в процессе применения остальных элементов силы. Представитель английской школы А. Уотсон описывал дипломатию как инструмент взаимодействия различных субъектов в единой среде, отмечая необходимость учета внешней конъюнктуры при выстраивании национальной политики⁹. Впоследствии в рамках критической теории дипломатия рассматривалась как перформативная практика: дипломатия – это театр, а действующие субъекты – актеры, примеряющие различные маски¹⁰.

В академическом сообществе наблюдается широкая вариативность восприятия профессиональных качеств дипломата, следовательно, и понимания того, как должна осуществляться подготовка кадров. Норвежский исследователь И. Нойманн выделяет три главных элемента в формировании профессиональных качеств дипломата: 1) делать то, что от тебя ожидают в соответствии с установленными правилами; 2) уметь приспосабливаться к любым условиям; 3) быть готовым выступать в роли посредника и представителя национальных интересов¹¹. Г. Киссинджер обращал внимание на важность изучения исторических и культурных аспектов развития стран и регионов в процессе подготовки дипломатов¹². Также в исследованиях подчеркивается важность формирования таких качеств и навыков у будущих дипломатов, как «устойчивость» (*resilience*)¹³,

1 Зонова 2007.

2 Представители реалистской традиции.

3 Adler-Nissen, Pouliot 2014.

4 Карьер 2000.

5 Никольсон 1941.

6 Сатоу 2018.

7 Протокол и этикет 2023.

8 Morgenthau 1948.

9 Watson 1982.

10 DerDerian 1987.

11 Neumann 2012.

12 Kissinger 1994.

13 Leki 2019.

аналитические способности¹, высокий уровень владения иностранными языками и умение применять навыки на практике².

Аспект деколонизации и привития дипломатических практик со стороны бывших метрополий стал изучаться сравнительно недавно. В частности, было установлено, что африканские страны, воспринявшие дипломатический код европейских стран, стали менять региональную систему в соответствии с собственными интересами вопреки идеям о либеральном мировом порядке³. В годы холодной войны подобная дипломатическая настройка рассматривалась в первую очередь как инструмент достижения геополитических целей в борьбе за влияние в странах третьего мира⁴. В 1960-е гг. Швейцария стала местом притяжения будущих дипломатов из развивающихся стран⁵. Примечательно, что указанные выше цели достигались во время неофициальной части дипломатических тренингов⁶. О своеобразной постколониальной зависимости свидетельствует и подготовка алжирских дипломатов, которая была прописана в Эвианских соглашениях, положивших конец кровопролитной войне в Алжире⁷. Хотя данная инициатива была свернута в 1963 г. по инициативе алжирских властей, она подчеркивает важность национальных дипломатических школ в обретении и укреплении суверенитета.

Таким образом, вопросы значимости дипломатии и грамотной подготовки дипломатических кадров нашли широкое отражение в научном дискурсе. Во многом это наблюдение связано с тем фактом, что знания играют ключевую роль в эпистемических сообществах, к которым можно отнести и дипломатический корпус. Все чаще можно встретить утверждения, что внешнеполитическая практика имеет историческую связь со знанием и в этой связи может быть воспроизведена посредством его продуцирования⁸. Тем не менее работы, в которых бы рассматривалось влияние уровня развития и суверенности национальных дипломатических школ на степень активности действий государств в региональных подсистемах и амбициозности их внешней политики, отсутствуют.

Дипломатическая подготовка и суверенитет

В основе изучения динамики развития национальных дипломатических школ лежат неомарксистские подходы к дифференциации государств и регионов мира. Институциональные системы стран, которые исторически следовали догоняющей модели развития (в трактовке Р. Пребиша и А.Г. Франка⁹ – находились в зависимости, а И. Валлерстайна – принадлежали к периферии мир-системы¹⁰), в течение десятилетий эволюционировали на основе «импорта» особенностей развития метрополий. Данной логике соответствует и специфика устройства

1 Trigona 2002.

2 Kappeler 2002.

3 McConnell et al. 2024.

4 Bugnon 2019.

5 Bugnon 2018.

6 Harris 2024.

7 Harris 2023.

8 Cornago 2016.

9 Frank 1978.

10 Wallerstein 1987.

институтов системы образования, а также организации дипломатической службы: в бывших колониальных государствах порядок получения научных степеней, образовательные материалы и программы заимствовались у метрополий. По мере развития, освобождения от зависимости и продвижения в сторону периферии мир-системы происходит изменение потенциала и амбиций бывших колоний, формируются новые национальные интересы. Вследствие этого трансформируется институциональная среда, в том числе проявляются изменения в национальной модели подготовки дипломатических кадров, соответствующие тренду на укрепление независимости и суверенитета государств. Именно представители неомарксизма реконструируют динамику институционального развития стран незападного мира.

Особую оптику настоящего исследования формируют постколониальные теории, дающие представление об особенностях воздействия колониального периода на развитие государств. В политической науке многие незападные страны имплицитно теряют субъектность, а процессы и явления в них остаются в тени. В этой связи подготовка дипломатов как с точки зрения образовательного компонента, так и бюрократической составляющей в странах третьего мира по-прежнему является малоизученной темой. Отчасти пролить свет на подобное положение дел позволяет постколониальная критика, выступающая не столько парадигмой, сколько набором принципов и норм, деконструирующих доминирующие нарративы и дискурс. Вместе с тем недостаточно под критическим углом рассматривать один лишь дискурс – необходимо также изучать функциональное наполнение.

Постколониализм в данном случае выступает естественной реакцией на продолжающееся доминирование бывших метрополий в мировой политике, трансформировавшееся в неоколониальные практики¹. Начало постколониальным исследованиям положил фундаментальный труд Э. Саида², параллельно с этим приобрели значение наработки латиноамериканских мыслителей, ощущавших на себе «печать» третьего мира, несмотря на провозглашение независимости большей части государств региона в начале XIX века. Именно они обратили внимание на политико-эпистемологический аспект и социоэкономическое измерение постколониальности. Эпистемологический западоцентризм аналогичным образом остается главным объектом критики постколониального направления³.

Взаимосвязь географии и постколониального обосновывается в трудах Дж.Д. Сидуэя⁴, что стыкуется с предметным полем критической геополитики. Ш. МакЭван⁵ рассматривает роль постколониализма в вопросах развития стран. В целом во всех этих работах присутствует деконструкция колониальной модерности, которая увязывается с положением бывших метрополий в мир-системе. Идентичность, как итог, выступает ключевым аспектом в этих работах, в результате чего в отдельное направление оформилось изучение субалтернов –

1 Фитуни, Абрамова 2020.

2 Said 1978.

3 Эльмурадов 2021.

4 Sidaway 2000.

5 McEwan 2018.

невидимых угнетенных социальных групп. Ф. Фанон¹ разрабатывал проблематику «Другого» с позиций антиколониализма.

Характерной чертой всех этих работ является пересечение упомянутых проблематик между собой – модерности, эпистемологии, вопросов развития, идентичности. В то же время непосредственно проблема формирования и функционирования национальной школы подготовки дипломатов в этих странах выпадает из исследовательского поля постколониальности, хотя она как раз показывает степень эмансипированности субъектов в мировой политике.

Особую значимость в контексте рассматриваемой темы и изучения динамики развития стран незападного мира представляют различные подходы как общеполитического, так и политико-правового характера к концептуализации понятия «суверенитет». В научном дискурсе присутствует большое количество работ, в которых трактовки данного термина значительно варьируются. В первую очередь важно отметить, что понятие суверенитет дуалистично по своей природе². Под ним подразумевается верховенство власти как на внутристрановом уровне, так и в решении вопросов экстерналистского характера. В классической «Вестфальской» трактовке под внутренним суверенитетом подразумевается исключительное право эксклюзивных институтов на реализацию власти в рамках определенных границ³, под внешним – независимая по характеру власть, призванная защищать население и территорию от вмешательства извне и представлять их интересы⁴. В конструктивистском понимании понятие суверенитета не статично и развивается под воздействием социальных практик, а в основе генезиса суверенитета лежат факторы взаимодействия, вырабатываемые путем формирования социальных конструктов. В данном случае понятие суверенитет тесно связано с особыми формами взаимоотношений – внутренней иерархией и международной анархией⁵.

Постструктуралистское понимание суверенитета нашло широкое отражение в постколониальных исследованиях. Представители данного научного направления задали критический модус данному понятию, утвердив идею о том, что суверенитет основан на цивилизационных элементах, которые закрепляют определенную «модель» государственности⁶, формирующую иерархичную среду и неравенство⁷. Согласно подобным трактовкам, страны Запада фактически получили «естественную» монополию на формирование суверенных стандартов поведения и взаимодействия, а затем право на повсеместное утверждение этих норм, которым обязаны соответствовать остальные⁸. Отдельные авторы наделяли понятие «суверенитет» дихотомичным смыслом, подразумевая разделение мирового пространства (в европейской картине мира) на две части: суверенные независимые европейские государства и «те части земного шара,

1 Fanon 1967.

2 Lake 2003.

3 Hobbes 1996.

4 Krasner 1999.

5 Wendt 1999.

6 Doty 1996; Anghie 1995.

7 Pourmokhtari 2013.

8 Grovogui 2002.

которые доступны для колониального присвоения»¹. Э. Саид, характеризуя суверенитет, пишет, что данное явление неразрывно связано с империализмом – практикой управления и трансляции определенных норм от центра к отдаленным территориям².

В рамках посткритических исследований акцент делается на необходимости изучения суверенитета не только с точки зрения бинарной оппозиции по линии «свой – чужой», но и принимая во внимание специфику развития незападных обществ³, а также отдельных институциональных элементов, оказывающих воздействие на формирование национальной идентичности в международной среде в постколониальный период. Данные явления тесно связаны с понятием суверенизации, находящим отражение в различных аспектах строительства государственности. Одной из ключевых сфер, где идет процесс укрепления суверенитета бывших колониальных держав, остается образование⁴. Национальные образовательные системы способствуют процессу суверенизации за счет укрепления групповой идентичности и формирования чувства принадлежности к социуму, создания условий для сохранения и передачи знаний о развитии общества. В контексте профильной подготовки дипломатических кадров образовательный суверенитет представляет особую значимость, поскольку формирование национальной образовательной модели создает потенциал для реализации последовательной внешней политики с учетом государственных интересов, а также потенциала страны и ее амбиций на международной арене.

Тем самым постструктуралистские, неомарксистские и посткритические теории подчеркивают важность анализа исторического пути развития государственности различных стран, в том числе испытывавших различное влияние «центра», их опыта достижения суверенитета и автономности. Особенно актуальным этот анализ исторического опыта построения государственных институтов становится в свете изучения национальных дипломатических школ. Формирование национальных традиций и институтов дипломатии не находится в вакууме – оно отражает историческую траекторию развития, построение собственной государственной модели или же напротив – восприятие и адаптацию иностранных моделей, насаждаемых на протяжении колониального периода. В связи с этим для раскрытия темы исследования целесообразно рассмотреть особенности институционального развития дипломатических школ групп стран, характеризующихся различной степенью исторической зависимости от «центра», или колониальных держав: государств Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Принципиально важно проанализировать развитие и состояние этих школ именно в контексте дипломатического суверенитета.

1 Mbembe 2019.

2 Said 1978.

3 Mathieu 2021.

4 McCarty, Lee 2014.

Региональная среда формирования дипломатических школ

Африка южнее Сахары: выход из исторической колеи колониализма

Получение независимости во второй половине XX в. и попытка преодоления политической и экономической изоляции поставили бывшие африканские колонии перед выбором модели своего дальнейшего развития. Часть стран пошла по проторенному пути, выбрав в качестве ориентира идеи, культивированные западными метрополиями, и примкнув к ним. Другие же стремились найти собственное исключительное место в сложившемся миропорядке и позиционировали себя как значимых игроков на континенте и за его пределами.

Возникновение ряда конфликтов в суверенных государствах Африки стало лишь одним из симптомов политических и экономических проблем, трайбализма, слабости созданного аппарата управления, нерешенных территориальных споров. Метрополии по-прежнему использовали рычаги давления для поддержания авторитета в своих колониях, а в обстановке холодной войны обе противостоящие стороны стремились экстраполировать свое влияние на молодые государства, в том числе через собственные социальные практики.

Сохраняющаяся конфликтогенность региона, борьба с терроризмом после войны в Ираке (2003–2011) и весомые запасы природных ресурсов, с одной стороны, оживляли интерес глобальных игроков к континенту, утратившему свое стратегическое значение после биполярной эпохи, с другой – осложняли процесс трансформации африканских стран и международных межправительственных организаций из объекта в субъект мировой политики.

Африканские государства прилагали усилия для преодоления оторванности континента от протекающих в мире процессов и урегулирования большого количества открытых конфликтов. Вместе с тем созданные региональные институты оказались не способны решать африканские проблемы, поэтому их обсуждение проходило преимущественно на уровне ООН или иных неафриканских межгосударственных объединений¹. Во второй половине XX в. расширение международных механизмов и площадок, а также становление независимой государственности среди бывших колоний олицетворяли собой важное событие в области дипломатической подготовки. Впервые потребовалась профессиональная подготовка большого числа дипломатических кадров по всему миру.

Отсутствие опыта и возможностей для формирования собственной внешнеполитической линии и обучения соответствующих кадров дополнялось стремлением Великобритании и Франции сохранить свои сферы влияния в бывших колониях посредством «культурной помощи», в том числе в сфере образования. Несмотря на значительное западное влияние в вопросе подготовки дипломатических кадров, государства континента стремятся сформулировать и укрепить свои позиции на региональном и мировом уровнях. Наиболее обстоятельно эта

1 Африка: неоплаченный долг колонизаторов 2023.

тенденция нашла отражение во внешней политике трех государств – Нигерии, Южно-Африканской Республики и Эфиопии.

Нигерия не только позиционирует себя как лидер субрегиона, но и претендует на роль ведущей страны на континенте. Она придерживается нейтрального внешнеполитического курса¹, несмотря на попытки внешних игроков изменить его. Абуджа является главным донором Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС): на ее долю приходится около трети бюджета организации². В определении своей позиции по ключевым вопросам международной повестки Нигерия руководствуется линией Африканского союза. Дополнительный политический вес ей придает членство в ОПЕК: страна является крупнейшим производителем нефти в Африке южнее Сахары. Ориентирами национальной стратегии становятся развитие суверенной экономики и перерабатывающих отраслей промышленности. При этом география внешнеполитических связей постепенно смещается от Атлантики в сторону Востока: Абуджа расширяет связи с Китаем, странами Персидского залива и Индией. В этом контексте дипломатическая подготовка направлена на отбор кадров не только для непосредственного резерва МИД, но и для международных организаций, включая ЭКОВАС, АКТ, Африканский союз, Содружество наций³. В то же время рынок специалистов-международников в стране направлен скорее на обслуживание крупных корпораций, нежели на работу в структуре МИД.

В кадровом отношении для Нигерии свойственно снижение числа карьерных дипломатов и рост политических назначенцев. В 1970-х гг. во время правления М.Р. Мурталы (1975–1976) и О. Обасанджо (1976–1979) последние не были представлены в правительстве⁴. Между тем в период правления Ш. Шагари (1979–1983) ситуация изменилась⁵. Должности во внешнеполитическом ведомстве стали получать политики, проигравшие в избирательном процессе, что позволило ненадолго стабилизировать внутривластную ситуацию, но вызвало обструкцию со стороны кадровых дипломатов. В частности, отставной посол и бывший президент Ассоциации отставных кадровых послов О.О. Фафовора отмечал, что текущая кадровая политика, при которой число назначенцев без опыта работы в дипломатических структурах превышает число кадровых дипломатов, ослабляет дипломатическую службу и наносит репутационный ущерб Нигерии⁶. Актуальный процент распределения высших должностей в нигерийском МИДе составляет 60/40, где первое число – политические назначенцы, а второе – кадровые дипломаты⁷.

В институциональном ракурсе для Нигерии характерно отсутствие специализированной школы для подготовки дипломатических кадров и использование принципа кооптации, что остро ставит проблему низкого качества кадров⁸. Ком-

1 Kia et al. 2016.

2 E.R. Aikins, "ECOWAS: Geographic Future," ISS African Futures, June 3, 2024, accessed December 1, 2024, <https://futures.issafrica.org/geographic/guide.pdf?geography=ECOWAS&topic=05-conclusion>.

3 "Vacancies," Ministry of Foreign Affairs, Nigeria, accessed December 12, 2024, <http://foreignaffairs.gov.ng/media-type/vacancy/>.

4 Obasanjo 2015.

5 Shagari 2001.

6 Fafowora 2013.

7 Azeez, Oshewolo 2021.

8 В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира 2024.

плексных работ по созданию национальной дипломатической школы в стране не проводится, однако широкое распространение получает практика переподготовки и дополнительной подготовки нигерийских дипломатов на базе партнерских институтов в странах Европы и Азии, в том числе в Индии на базе Института дипломатической службы¹, в Нидерландах на базе Дипломатической академии Клингендаля² и в Италии на базе Итальянского сообщества международных организаций, действующего на основании закона № 80 от 6 февраля 1992 г. об участии Италии в мирных и гуманитарных инициативах на международном уровне³. Показательна биография высшего дипломатического состава страны: министр иностранных дел Дж. Оньеама (2015–2023) получил степень бакалавра в Колумбийском университете⁴, а его преемник Ю.М. Туггар обучался в Великобритании. Таким образом, подготовка дипломатических кадров в своем содержательном аспекте остается импортированной⁵.

С падением режима апартеида ЮАР стремилась выйти из дипломатической изоляции, проявляя себя как инициатор формирования союзов на континенте для продвижения общерегиональной повестки. Страна характеризуется относительной экономической стабильностью и по-прежнему остается самой развитой производительной экономикой на континенте⁶. На положение Южно-Африканской Республики влияют как нестабильная политическая и социально-экономическая ситуация в соседних государствах (Зимбабве, Мозамбик), так и увеличение роли других африканских стран (Кения, Марокко, Руанда).

Поставленная перед дипломатией ЮАР задача по защите национальных интересов и расширению африканского представительства также реализуется участием страны в форматах G20 и БРИКС. Особенно примечательно с этой точки зрения расширение последнего, поддержанное Южно-Африканской Республикой. Включение в контур объединения Египта и Эфиопии лишает Преторию статуса единственного представителя континента, но позволяет выстроить партнерские отношения с новыми государствами-членами в борьбе за удержание статуса регионального лидера.

Тем не менее подготовка дипломатических кадров в ЮАР во многом отягощена теми же проблемами, что и в Нигерии. К ним относятся: отсутствие профильной высокоуровневой подготовки; распространенная практика ангажированных политических назначений и охарактеризованная дипломатом Г. Оливье «зона комфорта, полная устаревших ритуалов». Под последней имеются в виду практики, сохранившиеся со времен апартеида, и нежелание руководства страны

1 Abdullateef Salau, "A Nigerian Diplomats Undergo Training in India," Daily Trust, July 31, 2018, accessed December 12, 2024, <https://dailytrust.com/nigerian-diplomats-undergo-training-in-india-263400/>.

2 Wietse Slob, Jules Bracke, "Nigerian Diplomats Trained on Economic Diplomacy," Clingendael, October 10, 2024, accessed December 12, 2024, <https://www.clingendael.org/news/nigerian-diplomats-trained-economic-diplomacy>.

3 "Master Course for Nigerian Diplomats," The Newsletter, accessed December 12, 2024, https://www.sioi.org/progetti_int/master-per-diplomatici-nigeriani/?lang=en.

4 "Curriculum Vitae Of Mr. Geoffrey Onyeama," WIPO, accessed December 12, 2024, https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/en/wo_cc_54/wo_cc_54_2_corr-annex5.pdf.

5 "Curriculum Vitae Of Mr. Yusuf Maitama Tuggar," Nigerian Embassy in Germany, accessed December 12, 2024, https://nigeriaembassygermany.org/mosaic/_M_userfiles/News/2011/CURRICULUM-%20H.E.%20AMBASSADOR%20YUSUF%20MAITAMA%20TUGGAR.pdf.

6 "The World Bank in South Africa," World Bank, December 3, 2024, accessed December 12, 2024, <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/overview>.

их менять¹. Процесс подготовки дипломатов отягощен отсутствием в ЮАР национальной специализированной школы. Большая часть внешнеполитической элиты долгое время получала образование за ее пределами. Так, Н. Пандор, занимавшая должность министра международных отношений и сотрудничества в 2019–2024 гг., получила степень магистра в Лондонском университете², а Н. Дламини-Зума, руководившая министерством в 1999–2009 гг., окончила Бристольский университет³.

В то же время ЮАР проявляет повышенный интерес к формированию национальной школы подготовки дипломатических кадров, что находит отражение в попытках концептуализировать стратегию создания подобной школы. В 2019 г. по запросу южноафриканского МИД группа профессоров подготовила подробный документ с проектом создания новой южноафриканской дипломатической академии⁴. В Претории также действует Южноафриканская школа дипломатии, протокола и государственного управления. Она специализируется на стратегических и устойчивых коммуникациях, обучении переговорному процессу и управлению конфликтами⁵. Таким образом, в стране предпринимаются попытки конструирования собственной школы дипломатической подготовки, однако данный процесс находится лишь на начальном этапе – образование внешнеполитического истеблишмента страны по-прежнему остается зарубежным.

Традиционно **Эфиопия** считается дипломатически активной страной. Отсутствие колониального прошлого и статус наследницы одной из древнейших цивилизаций мира способствовали сосредоточению вокруг нее стран, получивших в 1950–1960-е гг. независимость. Проявлением подобной «центральной» для Африканского континента роли страны стало создание в ее столице Организации африканского единства, ныне известной как Африканский союз. Благодаря своему историческому и дипломатическому значению город Аддис-Абеба считается политической столицей Африки. В ней расположены штаб-квартиры Африканского союза и Экономической комиссии для Африки ООН.

Эта крупнейшая по численности населения в Восточной Африке страна претендует на роль континентального лидера. Ключевым торговым партнером Эфиопии является ЮАР, но на развитие экономики заметное влияние оказывает Пекин. Именно Аддис-Абеба стала воротами Китая в Африку и играет основную роль для китайского экономического пояса Шелкового пути. В эту страну китайские компании вкладывают большие средства в развитие инфраструктуры, в том числе выстраивая транспортные коридоры и индустриальные парки.

В то же время Эфиопия имеет территориальные споры с Эритреей, Сомали и Суданом. Существуют также расхождения позиций с Египтом ввиду строительства

1 Landsberg, Georghiou 2015, 480.

2 "Curriculum Vitae of Dr Grace Naledi Mandisa Pandor," Department of International Relations and Cooperation, accessed December 16, 2024, <https://dirco.gov.za/dr-grace-naledi-mandisa-pandor/>.

3 "Former Minister Nkosazana Dlamini Zuma," The Presidency Republic of South Africa, accessed December 16, 2024, <https://www.thepresidency.gov.za/former-minister-nkosazana-dlamini-zuma>.

4 Richard Calland, "A New South African Diplomatic Academy," Ministerial Task Team Draft Final Report, August 31, 2019, accessed December 16, 2024, https://www.unisa.ac.za/static/corporate_web/Content/News%20&%20Media/Articles/Documents/A%20NEW%20SOUTH%20AFRICAN%20DIPLOMATIC%20ACADEMY%20-%20MINISTERIAL%20TASK%20TEAM%20DRAFT%20FINAL%20REPORT%2031%20AUGUST%202019%20.pdf.

5 "About South Africa School of Diplomacy, Protocol and Public Administration," accessed December 16, 2024, <https://sasppa.com/about/>.

плотины на реке Нил. Данные проблемные точки содержат в себе риски для поступательного развития страны, но одновременно представляют собой стимулы для усиления внешнеполитического вектора, решения преимущественно региональных проблем и укрепления своего влияния на Африканском Роге¹.

По сравнению с Нигерией и ЮАР, обладающими колониальным прошлым, Эфиопия имеет наиболее развитую и эффективную школу подготовки сотрудников, а также разветвленную дипломатическую систему. Осуществляя свою деятельность через 52 дипломатические миссии (42 посольства и 10 консульств) и насчитывая 820 сотрудников и дипломатов, Министерство иностранных дел страны располагает весомым – по африканским меркам – бюджетом. В 2013–2014 финансовом году он составил 62,8 млн долларов США, и с этого времени фиксировался его ежегодный средний прирост около 10%. Закономерным образом 33% всех дипломатических миссий находятся в Африке (15 посольств и два консульства), из которых шесть посольств и два консульства (47% всех миссий в Африке)² расположены в государствах – членах Межправительственной организации по развитию (ИГАД)³. У Эфиопии есть посольства и консульства во всех соседних странах, за исключением Эритреи.

С начала 1960-х гг. Эфиопия оказывала значительную политическую поддержку различным антиколониальным движениям в Африке. Речь идет о предоставлении военной подготовки, оказании материальной помощи, а также дипломатической поддержки повстанческим движениям из Южной Африки, Зимбабве и Намибии, причем такая политика продолжалась и при режиме Х.М. Менгисту (1984–1991). В 1960 г. Эфиопия вместе с Либерией подала иск против правительства апартеида Южной Африки в Международный суд, обвинив его в продолжающейся оккупации Намибии (тогда Юго-Западной Африки). Подобные примеры свидетельствуют о наличии у страны достаточных дипломатических ресурсов, которые невозможно было бы грамотно использовать без того социального капитала, который страна вкладывала в формирование управленцев и дипломатов. В этой связи эфиопское внешнеполитическое ведомство способно расширять свой суверенитет и производные от него интересы на континенте.

После окончания кровопролитного приграничного конфликта с Эритреей (1998–2000) внешняя политика Эфиопии стабилизировалась. Война в Тыграе (2020–2022) носила внутренний характер и не была интернационализирована. Потенциальное вооруженное противостояние между Аддис-Абебой и Могадишо в начале 2024 г. в связи с заключением Эфиопией и Сомалилендом меморандума о взаимопонимании, что фактически означало признание последнего как государства, было урегулировано при посредничестве Турции в декабре 2024 года. Хотя снижение напряженности в двусторонних отношениях стало заслугой во многом турецкой стороны и инициированного Р. Эрдоганом Анкарского процесса, без политической воли Эфиопии его вряд ли можно было бы реализовать.

1 Zenebe 2023.

2 Mehari T. Maru, "A Regional Power in the Making: Ethiopian Diplomacy in the Horn of Africa," SAIIA, June 22, 2017, accessed December 16, 2024, <https://saiia.org.za/research/a-regional-power-in-the-making-ethiopian-diplomacy-in-the-horn-of-africa/>.

3 Джибути, Кения, Сомали, Судан, Уганда, Эритрея (приостановила членство в 2007) и Эфиопия.

Хотя официальный язык страны – амхарский, коммуникация с дипломатическим корпусом осуществляется преимущественно на английском. Подобная практика обусловлена прагматическим соображением. Во-первых, внутри Африканского союза делопроизводство осуществляется, как правило, либо на английском, либо на французском языках. Во-вторых, в столице расположен офис Экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА), в которой работает много иностранцев. К амхарскому прибегают чаще всего непрофильные структуры, занимающиеся, например, благотворительностью. МИД страны использует английский как в устном, так и в письменном общении.

В Эфиопии нет профильного образовательного учреждения, которое можно было бы назвать «кузницей дипломатов». Направление подготовки «Международные отношения» наиболее развито в Аддис-Абебском университете и Эфиопском институте гражданской службы. Подавляющее большинство эфиопских дипломатов, занимающих высокие позиции или претендующих на них, заканчивали Аддис-Абебский университет, а следующие ступени проходили за рубежом, причем необязательно по специальности «Международные отношения». Подтверждением этой тенденции служат биографии трех последних министров иностранных дел. Д. Меконнен – карьерный дипломат – продолжил свое обучение в Великобритании, Т. Ацке-Селассие (февраль–октябрь 2024) – много лет работал в ООН – аналогичным образом окончил впоследствии британский университет, а Г. Тимотевос – бывший министр юстиции (2021–2024), никогда не занимавшийся дипломатией, – учился в Будапеште. Для поддержания суверенитета страны в первую очередь задействована практика получения первой ступени высшего образования именно в эфиопском вузе.

Качество образования в этих учебных заведениях в целом позволяет поддерживать работу внешнеполитического ведомства на достойном уровне. В то же время в рутинном плане дипломатическая практика осложняется порой чрезмерным затягиванием, если не установлен личный контакт с начальником подразделения. Если выпускник решил заниматься наукой, существует возможность пройти профессиональную переподготовку или повышение квалификации в двух крупных центрах, которые занимаются международными отношениями. В Институте международных исследований¹ акцент делается на актуальные вопросы мировой политики. Эфиопский институт стратегических исследований², в свою очередь, имеет более широкий профиль: там изучаются внутриполитическая проблематика, экономическое развитие страны, а также региональные проблемы (статус Сомалиленда, Плотина Возрождения, получение доступа к морю).

Таким образом, Нигерия, ЮАР и Эфиопия предпринимают попытки овладеть инициативой в своем субрегионе, а также заявить о своих национальных интересах на международных площадках и развивать по мере возможностей связи с внешними игроками. Вместе с тем на практике наследие колониализма продолжает сказываться на практиках построения суверенитета, что особенно заметно на примере дипломатической подготовки и эпистемологической зависимости от

1 "Institute of Foreign Affairs," accessed December 17, 2024, <https://www.ifa.gov.et/>.

2 "Ethiopian Institute for Strategic Studies," accessed December 9, 2024, <https://ethiopianinstitute.org/>.

западных стран. Эфиопия же, несмотря на свою самобытность, в силу ограниченности внешнеполитических ресурсов не в состоянии в полной мере реализовать потенциал от представленной дипломатической школы.

*Ближний Восток:
конгломерат государственных моделей*

Ближний Восток характеризуется сразу несколькими факторами, определяющими его совершенно особое место в системе международных отношений: географическое положение на пересечении торговых путей; наличие значительных нефтегазовых и других природных ресурсов; религиозное и этническое многообразие; внутренняя нестабильность в ряде стран региона; значительная роль внерегиональных игроков.

Исторически именно через Ближний Восток проходили караваны и корабли, направлявшиеся из Азии в Европу (а затем и наоборот), что обусловило особый характер региона как плавильного котла цивилизаций, религий и этносов. В то же время географическое положение стало причиной колониального интереса к региону со стороны внерегиональных игроков. Контроль за данными торговыми путями стал главной целью европейских держав, а в период холодной войны во многом обусловил рост влияния сверхдержав на ситуацию в регионе.

Значительные запасы полезных ископаемых еще более увеличивают его геополитическую важность. Здесь сконцентрировано около 50% доказанных запасов нефти и около 40% газа; в регионе добываются около 33% нефти и 20% газа. Вследствие этого политическая нестабильность на Ближнем Востоке зачастую приводит к росту волатильности на нефтяном рынке и глобальным экономическим потрясениям.

Отдельно стоит выделить его религиозное и этническое многообразие. Будучи колыбелью трех авраамических религий, Ближний Восток стал местом их наиболее ожесточенного столкновения. Несмотря на постепенную секуляризацию в 1950–1970-е гг., в ряде ближневосточных обществ роль религии стала заметно возрастать; во внутренней политике поддержка религиозных догматов превратилась в один из маркеров политической идентичности (Ливан, Ирак, Турция, Египет, Израиль и другие страны). Приверженность определенной конфессии и направлению в рамках конкретной конфессии также стала проецироваться на внешнюю политику и использоваться странами для достижения внешнеполитических целей.

Динамика противостояния, таким образом, составляет региональную среду формирования внешней политики выбранных для анализа стран – Саудовской Аравии, Ирана, Турции, Египта – и предопределяет выбираемые ими стратегии адаптации, примыкания к США или поиска собственной независимой роли. Этот выбор, вкупе с особенностями колониального влияния на государственные институты, влияет и на функционирование национальных дипломатических школ в регионе.

Перечисленные выше особенности региона ярко проявились во внешней политике **Королевства Саудовская Аравия (КСА)**. Исторически она имела четкий религиозный оттенок и порой преследовала не национальные цели, а задачи, способствовавшие в представлении КСА распространению ислама в целом.

Это находит отражение в подходе к преподаванию исторических и политических дисциплин в национальных вузах. В рамках географического подхода к делению мира страны кластеризируются на арабский мир и весь остальной¹. В отношении своих дипломатических кадров страна лишь недавно стала на путь их локализации: в 1979 г. было создано централизованное подразделение, занимающееся подготовкой и повышением квалификации саудовских дипломатов – Институт дипломатических исследований имени принца Сауда аль-Фейсала.

Подготовку в нем проходят не только саудовские дипломаты и государственные служащие, но также и дипломаты из соседних арабских стран Персидского залива². В числе преподаваемых курсов – политология, международное право, международная экономика и иностранные языки. Деятельность Института долгое время была ориентирована на старшие поколения саудовских дипломатов, большинство из которых получали образование за рубежом: в престижных американских или британских вузах. Вместе с тем в КСА введены новые требования: саудовские дипломаты обязаны получать образование внутри страны, в национальных вузах, а также быть подданными Саудовской Аравии. В совокупности все эти меры свидетельствуют о попытках Королевства отказаться от практики импортированного образования и сформировать собственную, национальную школу подготовки дипломатических кадров.

Подобные характеристики также применимы к **Ирану**. В 1980-е гг. после победы Исламской революции его внешняя политика носила крайне религиозный характер, а на начало 2020-х гг. во многом построена на антагонизме Израилю и поддержке влияния в «шиитском полумесяце». Попытки международной изоляции Тегерана, предпринимаемые внешними игроками на протяжении нескольких десятилетий, подтолкнули руководство страны к поиску внутренних ресурсов для реализации своих внешнеполитических задач, в том числе к конструированию собственной национальной школы дипломатических кадров.

Следует отметить, что, в отличие от Саудовской Аравии, Иран имеет долгую традицию подготовки дипломатических служащих. В 1900 г., во время правления династии Каджаров (1795–1925), была основана Политическая школа в Тегеране. В 1933 г. на базе Тегеранского университета был открыт Факультет права и политологии, а в 1983 г., после Исламской революции, возник Институт политических и международных исследований при Министерстве иностранных дел³. После ряда реорганизаций из этого научно-исследовательского подразделения был выделен Факультет международных отношений, который в настоящий момент и является альма-матер для большинства дипломатических кадров страны. На Факультете реализуются программы бакалавриата и магистратуры⁴. Примечательным является наличие среди них отдельной программы по регионоведению⁵, а также программы переквалификации для уже действующих сотрудников МИД.

1 В поиске национальных интересов 2024, 21.

2 "Prince Saud Al Faisal Institute for Diplomatic Studies," accessed December 9, 2024, <https://www.ids.gov.sa/>.

3 "History," Institute of Political and International Studies, accessed December 9, 2024, <https://www.ipis.ir/en/viewpage/13100/history>.

4 Изучены прежде всего учебные планы по направлению подготовки «Дипломатия» и «Международные отношения».

5 «ایران منطقه‌شناسی» (Regional Studies Curricula), School of International Relations of MFA, accessed December 10, 2024, <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12073>; <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12071>; <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12074>; <https://www.sir.ac.ir/portal/GeneralCategoryServices/12075>.

Преподают пять иностранных языков: арабский, английский, французский, испанский и русский, а также курсы по экономике, праву, международным отношениям и политологии. Ограничений для поступления на бакалаврские программы Факультета нет, однако к кандидатам для отбора в МИД предъявляются строгие требования, включающие не только гражданство ИРИ, но и принадлежность к одной из конфессий, признаваемых Конституцией государства¹.

Иран и Саудовскую Аравию ранее объединяла спорадическая идеологизированность политики, при этом последняя из двух стран движется в сторону прагматики в своей внешней политике. Обе страны разделяют необходимость возвращения собственных национальных кадров для работы в сфере внешней политики и дипломатии и проводят курс, ориентированный либо на полный отказ от импортного образования (Тегеран), либо постепенный отход от него (Эр-Рияд). Руководство обеих стран в равной степени осознает ресурс влияния школы подготовки дипломатических кадров и поощряет обучение студентов из других стран с перспективой формирования дружественной региональной элиты. Обе страны в настоящий момент переходят на более прагматические и реалистские позиции, что является необходимым условием для выстраивания отношений как с очень разными по этно-религиозному и идеологическому характеру странами региона и соседями, так и с внерегиональными державами, заинтересованными в сотрудничестве.

Наравне с Ираном географический фактор играет большую роль и во внешней политике **Египта**. Суэцкий канал в этой связи является важнейшим геостратегическим и экономическим активом. Стремление сохранить стабильный поток судов через канал обуславливает нейтральную позицию Каира по многим региональным конфликтам. Не имея значимого количества природных ресурсов, Египет стремится развивать торгово-экономическое сотрудничество со множеством стран мира, в том числе активно выстраивает отношения с Россией, Китаем и США. В 1950–1960-е гг. в своей внешней политике Египет придерживался просоветских позиций, а затем резко изменил их на проамериканские.

Подобный гибкий подход находит отражение в условиях приема на дипломатическую службу. МИД Египта, в отличие от упомянутых выше Саудовской Аравии и Ирана, принимает на работу выпускников иностранных университетов². При отборе на дипслужбу кандидаты сдают экзамен на знание двух иностранных языков, одним из которых в обязательном порядке должен быть либо английский, либо французский. Основным учебным заведением, обеспечивающим приток кадров в министерство, является Институт дипломатических исследований, основанный в 1966 г. и являющийся частью Министерства иностранных дел. Институт осуществляет как подготовку новых кадров, так и переквалификацию уже действующих сотрудников египетского дипломатического корпуса³. В Институте ведется

1 «(مدى جذب مدينتنا) «هجرة رومنا» وزارت امور خارجه» (The Ministry of Foreign Affairs is Recruiting Staff), e-estekhdam, accessed December 10, 2024, <https://www.e-estekhdam.com/%d8%a7%d8%b3%d8%aa%d8%ae%d8%af%d8%a7%d9%85-%d9%88%d8%b2%d8%a7%d8%b1%d8%aa-%d8%a7%d9%85%d9%88%d8%b1-%d8%ae%d8%a7%d8%b1%d8%ac%d9%87>.

2 «في جرائدنا فرازو - في جرائدنا فرازو» (Work at the Ministry of Foreign Affairs), accessed December 9, 2024, <https://www.mfa.gov.eg/ar/AboutMinistry/JoiningDiplomaticCorps>.

3 Soliman 2012.

университетах проводится подготовка лишь по нескольким из вышеперечисленных направлений. Например, в Босфорском университете реализуются последние две программы¹. Преподавание дисциплин в рамках каждого из этих направлений акцентирует внимание на внешнеполитических приоритетах Анкары². В то же время нельзя сказать, что при подготовке турецких дипломатов делается значительный упор на изучение языков. Как правило, усиленно изучаются в основном английский и другие официальные языки ООН, а также османский турецкий. Последнее свидетельствует об усилении значимости концепции неоосманизма во внешней политике турецкого государства. Особое внимание уделяется изучению отдельных региональных проблем, связанных в первую очередь с тюркским пространством, Балканами и экономическим развитием государств Африки южнее Сахары.

В отношении кадров следует отметить, что с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. заметной стала тенденция, связанная с политическим назначением на должности послов и заместителей министра лиц, аффилированных так или иначе с правящей партией, например министр иностранных дел М. Чавушоглу (2015–2023). Другие хрестоматийные примеры – посол в США Х.М. Мерджан (2021–2024), бывший и нынешний послы в Чехии Э. Багыш (2019–2024) и М. Фейзиоглу, посол в Индонезии, Восточном Тиморе и АСЕАН Т. Кючукчан (с 2023), посол на Кипре Я. Серим (с 2024). Подобные назначения вызывали раздражение у карьерных дипломатов. Некоторые из них уходили с дипломатической службы в знак протеста. Бывший посол в США (2010–2014) и советник по внешнеполитическим вопросам оппозиционной кемалистской Республиканской народной партии Н. Тан регулярно подвергает критике политически мотивированные назначения послов³.

Между тем было бы серьезным допущением говорить, что значительная часть сотрудников МИД состоит из политназначенцев. Дипломаты среднего и начального звена в большинстве своем имеют образование международника и строят свою карьеру в МИД сразу после выпуска из вуза. Выходцы из партии занимают, как правило, высшие позиции. В то же время часть турецкого дипломатического корпуса не получила профильного образования. Такие лица попадают в ряды дипломатов благодаря практике «вращающихся дверей», которая обеспечивает приток высококвалифицированных и опытных кадров из других ведомств. Наиболее яркий пример – фигура Х. Фидана, который до назначения главой Министерства иностранных дел в июне 2023 г. на протяжении тринадцати лет возглавлял Национальную разведывательную организацию (*MİT*).

В своей внешней политике все четыре анализируемые страны вынуждены считаться с сохраняющимся американским влиянием в регионе. При этом каж-

1 "Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Bölümü Ders Programı (The Curriculum of the Faculty of Political Science and International Relations)," Boğaziçi Üniversitesi, accessed December 14, 2024, <https://pols.bogazici.edu.tr/tr/ders-programi-0>.

2 См. следующие программы: "Ankara University," accessed December 14, 2024, http://bbs.ankara.edu.tr/Amac_Hedef.aspx?bno=4305&bot=1925; METU, "Uluslararası İlişkiler Bölümü," accessed December 14, 2024, <https://ir.metu.edu.tr/tr/dersler/>; "Istanbul University Educational Information System," accessed December 14, 2024, <https://ebs.istanbul.edu.tr/home/lisans/>; "Boğaziçi University," Department of Political Science and International Relations, accessed December 14, 2024, <https://pols.bogazici.edu.tr/tr/ders-programi-0>.

3 "President Erdoğan again Appoints Pro-AKP Figures as Ambassadors," Turkish Minute, accessed December 16, 2024, <https://turkishminute.com/2024/02/16/president-erdogan-again-appoints-pro-akp-figures-as-ambassadors/>.

дая выбирает собственную стратегию: союзничество в случае Египта и Саудовской Аравии, яркий антагонизм в случае Ирана и активное балансирование в случае Турции. Все это ярко характеризует ближневосточный регион в целом – пространство сосуществования различных культур и государственных моделей, которые объединяет влияние ислама и колониальное прошлое.

Латинская Америка: столкновение цивилизаций

Латинскую Америку по общим характеристикам можно сравнить с Ближним Востоком, где также присутствует доминирующая культура с альтернативными анклавами. Этот регион – продукт смешения местной индейской, колониальной (главным образом иберийской) и завезенной с рабами африканской культур. Большинство государств региона считает себя самобытной цивилизацией – латиноамериканской, где субъекты тесно интегрируются между собой. Маркером цивилизации, согласно распространенному в отечественной и зарубежной латиноамериканистике мнению¹, является преобладание основных иберийских языков (испанского и португальского), что нашло свое отражение в изначальном составе стран-подписантов межамериканского договора о взаимной помощи, более известного как Пакт Рио 1947 года. Из интеграции исключен или представлен в существенно меньшей степени ряд государств с доминированием британского, французского, голландского, африканского культурного кодов, например, Ямайка, Гайана и Суринам.

Концептуальное развитие Латинской Америки исторически разворачивалось вокруг идейного противостояния С. Боливара и Ф. Сантандера. В первом случае речь идет о стремлении к независимости и благополучию посредством единства, равноправия, мирного разрешения споров и в целом отстаивания идей справедливости (сила права). Во втором – о неравном сотрудничестве с великими державами, примыкании к последним и согласии с неправовыми методами в международных отношениях (право силы). На практике это противостояние отражается в разнонаправленных процессах: интеграции и дезинтеграции, латиноамериканизме и панамериканизме, невмешательстве и интервенциях.

Боливарианская доктрина начала реализовываться в первой четверти XIX в., после освободительных войн, и в своем развитии прошла сложный путь постколониального господства неформальных империй (преимущественно Великобритании), неометропольного американского гегемонизма, автаркического курса десарольизма². Тем не менее продолжают споры вокруг интерпретации комплексной региональной стабильности и путей ее достижения, свидетельством чего служат прецеденты Ж. Болсонару (2019–2023) в Бразилии и Хавьера Милея (с 2023) в Аргентине. Ключевые страны региона, в частности Бразилия (при нынешнем лидере Л. Лула да Силва), в меньшей степени Мексика, выстраивают собственные подходы к региональному устройству через призму опыта

1 Латинская Америка 1990; Шемякин 2001.

2 От исп. *Desarrollo* – развитие, экономическая политика, направленная на усиление национальных позиций в экономике, индустриализацию, демонополизацию и сохранение положительного торгового баланса. Эта концепция была популярна в середине XX в. и сопровождалась порой серьезными перегибами.

взаимодействия с колониальным и постколониальным влиянием европейских стран и США, а также с учетом нарастающей мощи других центров силы.

Развитие **Кубы** и **Мексики** имеет много общих черт. Обе страны были испанскими колониями, прошедшими через длительный и драматичный революционный период. Обе ощутили на себе значительное влияние Соединенных Штатов, но состояние двусторонних отношений с Вашингтоном каждой из них различно.

Мексика является видным элементом интеграционного блока *USMCA*, имеет развитые связи с другими государствами региона, входит в двадцатку сильнейших экономик мира. Куба же ввиду своей социалистической ориентации, антиамериканской политики в регионе и довлеющей географической близости к США находится в изоляции, осложняющей развитие экономических контактов. Это обуславливает историческую опору на внешних игроков (главным образом Китая и России) как в экономической, так и в политической сферах. Более затруднительная экономическая ситуация в Гаване связана также с преимущественно аграрной структурой экономики и отсутствием стратегических ресурсов, а потому наличием зависимости, распространяющейся и на критические элементы национальной безопасности, например на энергетический сектор.

Вышеприведенные обстоятельства привели к ряду особенностей подготовки дипломатических кадров.

На Кубе подготовкой дипломатов занимается всего один специализированный Высший институт международных отношений (*Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García"*)¹, небольшой отбор в который осуществляется по квоте в количестве 30 мест для выпускников спецкурсов, военных школ и выходцев из каждой провинции страны (по 1 месту на каждую из 15 провинций). Поступление предполагает не только многоплановый тест интеллектуальных способностей, включающий историю страны и знание современных политических, социальных и экономических особенностей развития Кубы, но и психологическое тестирование. Абитуриенты также проходят собеседование, где необходимо представить информацию о своих родственниках вплоть до третьего колена. Более того, для поступления в институт необходимо год отслужить в армии, в том числе девушкам, и получить положительные рекомендации от партийных организаций².

Основная программа обучения предполагает комплекс дисциплин по истории и теории международных отношений, мировой экономике, философии, дипломатии и регионоведческим дисциплинам. Учебные планы напоминают советские аналоги с идеологическим компонентом, что позволяло выучившимся в Советском Союзе кубинцам занимать впоследствии высокие посты во внешнеполитических структурах страны. Интересной особенностью подготовки кубинских дипломатов является набор специфических дисциплин по обороне (для защиты национальных диппредставительств), статистике и бухгалтерскому учету,

1 "Raúl Roa García," ISRI, accessed December 9, 2024, <https://cubaminrex.cu/es/instituto-superior-de-relaciones-internacionales-raul-roa-garcia-isri>.

2 "Proceso de Ingreso (The Admission Process)," ISRI, accessed December 9, 2024, <https://www.isri.cu/index.php/es/node/25#inicio>.

что обуславливается малым количеством сотрудников в зарубежных дипломатических представительствах и, как следствие, необходимостью многопрофильности специалистов.

Важно заметить, что соответствующее трудоустройство происходит по распределению, а без прохождения подготовки в вышеобозначенном институте работа в кубинском МИД или в других ведущих внешнеполитическую деятельность структурах невозможна.

В Мексике же ситуация принципиально иная. Поступление на дипломатическую службу происходит после прохождения специализированных курсов в Институте Матиас Ромеро при МИД страны, притом полученное до этого образование в области международных отношений не является обязательным. Министр иностранных дел Мексики А. Барсена (июль 2023 – октябрь 2024) по первому образованию биолог, а ее вторая степень по государственному управлению была получена в Гарварде, что не редкость в мексиканском внешнеполитическом истеблишменте (высока роль американского и британского образования). Институт Матиас Ромеро не реализует собственные программы бакалавриата или магистратуры, но их можно пройти в других мексиканских университетах более общего профиля.

Существенным образом отличаются и учебные планы мексиканских университетов, где читают курсы по регионоведению, глобальной международной повестке, однако нет самой дипломатической подготовки. Это обстоятельство, как и отсутствие практики дипломатической работы, предполагается компенсировать курсами переподготовки при мексиканском МИД. Здесь показателен пример посла Мексики в России Э.В. Мехиаса (с апреля 2022), который до назначения преподавал философию в университете и был близок к президенту А.М. Лопесу Обрадору (2018–2024), что может свидетельствовать о политическом характере его назначения.

Бразилии, в свою очередь, свойственна особая региональная специфика. Это португальязычная страна, в которой процесс деколонизации происходил иначе, чем в других государствах. Столица Португальской империи была перенесена в Бразилию из Европы еще в начале XIX в., что способствовало началу формирования самостоятельного и автономного внешнеполитического курса страны. В XXI в. она представляет собой могущественную державу Латинской Америки. Ресурсы Бразилии позволяют ей претендовать на роль ядра латиноамериканской региональной подсистемы, где она наталкивается на панамериканское сопротивление Вашингтона, однако вес Бразилиа в региональных делах не отрицается. По этому поводу примечательны слова американского президента Р. Никсона (1969–1974): «Куда повернет Бразилия, туда повернет и вся Латинская Америка»¹. Примечательно, что амбиции страны простираются далеко за пределы региона, в результате чего Бразилиа не стремится делегировать национальный суверенитет региональным организациям.

Специфика Бразилии также заключается в ее стремлении претендовать на статус великой державы. Страна входит в десятку ведущих экономик мира, имеет

1 "As Brazil Goes...", The New York Times, July 10, 1972, accessed December 16, 2024, <https://www.nytimes.com/1972/07/10/archives/as-brazil-goes-.html>.

обширный портфель миротворческих проектов, играет значимую роль в ведущих международных объединениях, включая БРИКС. В послевоенный период, когда зависимость Бразилии от Вашингтона была более явной, США продвигали инициативу о наделении Бразилии статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН¹. Тем самым можно констатировать исторический опыт автономности Бразилии, несмотря на колониальное наследие.

Формирование национальной дипломатической школы Бразилии началось вместе с процессом обретения ей независимости. В 1822 г. было создано Министерство внешних связей Бразилии – *Итамарати*. За более чем двести лет его функционирования в стране сформировалась устойчивая система подготовки дипломатических кадров, включающая в себя профильные институты, такие как Институт Рио Бранко, признанный одной из лучших дипломатических академий в мире и обеспечивающий подготовку и переквалификацию дипломатических кадров для бразильского МИД.

Система подготовки кадров в Бразилии во многом коррелирует с внешнеполитическими приоритетами, а конкретные институциональные реформы отражают тренды внешнеполитического развития страны. Особенно это проявилось во второй половине XX в.: *Итамарати* переживал структурные трансформации, выразившиеся в создании новых департаментов. По мере усиления важности экономического фактора происходили попытки выстраивания более тесных горизонтальных связей между государственными ведомствами, выразившиеся в создании межведомственных советов с участием МИД².

Эквивалентным образом менялся и подход к отбору кандидатов. Как отмечает З.Б. Чейбуб³, Министерство иностранных дел изменило процесс набора молодых дипломатических кадров, расширив его в пределах двух критериев: географическое происхождение и уровень образования. С одной стороны, *Итамарати* удовлетворил требования общества о стремлении к демократизации, с другой – адаптировался к изменениям в содержании и потребностях дипломатической профессии. Тенденция к демократизации также проявляется в контексте социального происхождения дипломатов, хотя проблема привлечения к службе выходцев из дипломатических семей по-прежнему сохраняется⁴. Более того, с введением открытых конкурсов, основанных на универсальных критериях, МИД Бразилии пытается повысить свою социальную репрезентативность, уменьшая «элитистский» характер внешнеполитического ведомства. Несмотря на стремление придерживаться новых векторов во внешней политике, направленных, как упоминалось ранее, на демократизацию и открытость, Итамарати в равной степени подвергается процессу бюрократизации в отношении отбора новых дипломатических кадров.

Подобная бюрократизация является следствием организованной системы отбора в бразильский МИД и его заграничные учреждения. Критерии отбора в Институт Рио Бранко четко регламентированы, как и учебный план университета

1 Garcia 2010.

2 Борзова 2012, 65.

3 Cheibub 1989.

4 Ibid.

(Положение об институте утверждает министр иностранных дел¹). Отбор на дипломатические должности осуществляется через конкурс, проводимый Институтом Рио Бранко, а на технические и административные должности, например сотрудников канцелярии, – по открытому конкурсу². Испытания включают в себя экзамены на знание португальского языка и второго иностранного языка (английский, испанский, французский или другой), а также истории Бразилии, всемирной истории, мировой политики, географии, экономики, международного права, что свидетельствует о фундаментальном характере дипломатической подготовки. Сама же система отбора организована таким образом, чтобы воспроизводить приток в МИД кадровых дипломатов.

Таким образом, Бразилия является самостоятельной державой с подкрепленной достаточным количеством ресурсов независимой внешней политикой, направленной на усиление своих лидерских позиций как потенциального ядра латиноамериканской региональной подсистемы, а также на обширную вовлеченность и представленность в глобальных международных делах.

Мексика и Куба в этом аспекте имеют существенно меньший вес, где первая сохраняет значительную зависимость от США как экономически, так и идейно, а вторая пока не обладает ресурсной базой и достаточным международным авторитетом и связями, особенно после ухода от дел клана Кастро, для проведения такого рода политического курса. Осложнившиеся позиции Кубы в международных делах также во многом обусловлены «не сыгравшей ставкой» на социализм, когда, лишившись поддержки Советского Союза в 1991 г., Куба оказалась в политико-экономической изоляции.

Приведенные обстоятельства оказали существенное влияние на подготовку дипломатических кадров в этих странах, где Мексика ведет ее более открыто, допуская иностранное идейное влияние и выстраивая курс на основе глобальной повестки, а Куба проводит идеологизированный, сильно ограниченный набор слушателей для нужного стране политического воспитания с дальнейшим сохранением контроля над кадровым распределением.

В итоге Латинская Америка, несмотря на ярко выраженную цивилизационную компоненту, является неоднородным с точки зрения выстраивания модели развития дипломатических и других государственных институтов регионом.

Заключение

Результаты исследования частично подтверждают гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем развитости национальных дипломатических школ и степенью проактивности внешней политики стран в решении ключевых вопросов региональной повестки. Под развитостью и суверенностью системы подготовки кадров для дипломатической службы понимается использование таких инструментов, как разработка профильных учебных курсов по истории своей страны,

1 "Regulamento do Instituto Rio Branco (Regulations of the Rio Branco Institute)," accessed December 16, 2024, <https://www.gov.br/mre/pt-br/instituto-rio-branco/arquivos/legislacao-1/portaria-344-2021-regulamento-do-instituto-rio-branco.pdf>.

2 "O Itamaraty e as carreiras do Serviço Exterior (Itamaraty and a Career in the Diplomatic Service)," Ministério das Relações Exteriores, accessed December 14, 2024, <https://www.gov.br/mre/pt-br/acao-a-informacao/perguntas-frequentes/o-itamaraty-e-as-carreiras-do-servico-exterior#quatorze>.

региона и международных отношений, подготовка собственной учебной литературы и соответствующих методических материалов, расширение количества преподаваемых иностранных языков. Подобная комплексная подготовка будущих сотрудников дипломатических ведомств обеспечивает формирование у них корректного представления о ходе национальной истории и восприятия образа своей страны, что необходимо для проведения суверенной внешней политики. В свою очередь, дипломатия является механизмом инструментализации имеющихся у государства ресурсов влияния и трансляции национальных интересов в международную плоскость.

Вопрос необходимости суверенизации национальной школы подготовки дипломатических кадров особенно актуален для стран «незападного» мира, многие из которых в течение долгих лет оставались в различных формах зависимости от западных стран. Колониальное прошлое наложило соответствующий отпечаток на систему подготовки государственных служащих. Многие дипломаты либо получали образование в западных государствах, либо в процессе обучения использовали исключительно зарубежные учебные материалы. Подобные практики вели к неизбежной трансляции западных нарративов в дипломатическую сферу и, как следствие, зачастую к несколько искаженному восприятию международной обстановки и не в полной мере отвечающим национальным интересам действиям.

Тем не менее развитие национальных систем подготовки дипломатов способствовало активизации и суверенизации внешней политики отдельных государств Глобального юга. В частности, в Африке одна из наиболее развитых национальных школ подготовки дипломатических кадров сложилась в Эфиопии – стране, не испытывавшей на себе бремени колониальной зависимости, имеющей долгие собственные традиции подготовки государственных служащих. Среди стран региона она отличается особенно активной и суверенной внешней политикой. В то же время подготовка дипломатических кадров в ЮАР и Нигерии в значительной степени продолжает развиваться в духе англосаксонской традиции. Существенное количество учебной литературы подготовлено западными изданиями, многие дипломаты продолжают обучаться по различным образовательным программам в странах Запада.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке выделяются несколько стран, претендующих на региональное лидерство: Саудовская Аравия, Иран, Турция и Египет. Для каждого из этих государств характерна собственная модель взаимосвязи между спецификой подготовки дипломатов и особенностями внешнеполитического курса. В Саудовской Аравии предпринимаются попытки суверенизации национальной школы подготовки кадров для внешнеполитического ведомства, в то же время страна все чаще действует без оглядки на третьи страны в отношениях с региональными и внерегиональными игроками. Схожие тенденции проявляются в Турции, стремящейся проводить многовекторную внешнюю политику. Для Ирана характерно наличие многолетней развитой национальной традиции в подготовке дипломатических кадров, при этом страна проводит полностью независимый внешнеполитический курс с учетом национальных интересов, руководствуясь собственными идеологическими принципами. В то же время в Египте, где школа подготовки дипломатов по-прежнему характеризует-

ся скорее импортом знаний, пока не сделано значимых шагов к суверенизации данной системы, при этом и во внешней политике страна часто ориентируется на крупных внерегиональных игроков.

В странах Латинской Америки прослеживаются аналогичные взаимосвязи. Одна из наиболее развитых национальных школ подготовки дипломатов – в Бразилии, претендующей на роль ядра латиноамериканской региональной подсистемы. Куба является примером страны с независимой внешней политикой и высокой степенью развитости национальной традиции подготовки дипломатических кадров, но с крайне ограниченными возможностями. В то же время Мексика продолжает ориентироваться на США, а ее дипломатическая школа характеризуется сохранением эпистемологической зависимости.

Полученные данные также выявили и расхождение между развитостью и суверенностью дипломатической школы. Эти две характеристики не всегда эквивалентны. Если для укрепления своих позиций в регионе страна не сможет обойтись без развитой дипломатической школы, то в случае с суверенностью заметно более нюансированное расслоение. В частности, умеренная суверенизация дипломатической подготовки (Саудовская Аравия, Турция, Эфиопия) способствует укреплению позиций страны в регионе (субрегионе), в то время как тотальная суверенизация (Куба, Иран), ведет к ограничению возможностей этих стран в определении региональной повестки. В свою очередь, некритическое заимствование западных образовательных стандартов в этой области (Египет, Мексика, Нигерия, ЮАР) может свидетельствовать о принятии этими игроками своего текущего положения в региональной подсистеме. Тем самым для стран Глобального юга важна не столько суверенность, сколько развитость их дипломатических школ, поскольку их эмансипация возможна только тогда, когда они пройдут все этапы становления национального профильного образования: импорт зарубежных практик в подготовке дипломатических кадров; локализация иностранного опыта; дальнейшее развитие собственной школы подготовки дипломатов с учетом национальных интересов на основе накопленных знаний; достижение суверенизации национальной дипломатической школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Африка: неоплаченный долг колонизаторов / под ред. И.О. Абрамовой. М.: Институт Африки РАН, 2023.

Africa: The Unpaid Debt of Colonizers, edited by Irina O. Abramova. Moscow: Institute for African Studies, 2023 [In Russian].

Борзова, А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 3. С. 54–70.

Borzova, Alla Yu. "Diplomatic Service of Brazil." *RUDN Journal of International Relations*, no. 3 (2012): 54–70 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная поли-*

тика. 2012. № 2. С. 30–58. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2\(8\)-30-58](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58).

Voskresenski, Alexei D. "Concepts of Regionalization and Transformation in Modern International Relations." *Comparative Politics*, no. 2 (2012): 30–58 [In Russian].

В поиске национальных интересов: как дипломатическая подготовка влияет на суверенитет стран мира. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. А.А. Сушенцова и Н.Я. Неклюдова. М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2024.

Sushentsov, Andrey A., and Nikita Ya. Neklyudov, eds. *"In Search of National Interests: How Diplomatic Training Affects the Sovereignty of the World's Countries. Report of the Valdai International Discussion Club."* Moscow: Valdai International Discussion Club, 2024 [In Russian].

Зонова, Т.В. Современная дипломатия: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2007. № 4. С. 5–21.

Zonova, Tatyana V. "Modern Diplomacy: Problems and Perspectives." *RUDN Bulletin. Series: International Relations*, no. 4 (2007): 5–21 [In Russian].

Кальер, Ф. О способах ведения переговоров с государями. М.: Гендальф, 2000.
de Callières, François. *On the Manner of Negotiating with Sovereigns*. Moscow: Gendal'f, 2000 [In Russian].

Латинская Америка: Справочник / под ред. В.В. Вольского. М.: Политиздат, 1990.
Latin America: Handbook, edited by Viktor V. Volsky. Moscow: Politizdat, 1990 [In Russian].

Никольсон, Г. Дипломатия. М.: Гос. изд. полит. лит., 1941.
Nicolson, Harold. *Diplomacy*. Moscow: State Political Publishing House, 1941 [In Russian].

Протокол и этикет в дипломатической деятельности зарубежных стран / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2023. 280 с.

Protocol and Etiquette in Diplomatic Activity of Foreign Countries, edited by Anatoly V. Torkunov and Alexander N. Panov. Moscow: Aspect Press, 2023 [In Russian].

Сатов, Э. Руководство по дипломатической практике. М.: Международные отношения, 2018. 480 с.
Satow, Ernest M. *A Guide to Diplomatic Practice*. Moscow: International Relations, 2018 [In Russian].

Смирнова, П.Е. Исторические корни неоосманизма во внешней политике Турецкой Республики // Вестник ННГУ. 2023. № 1. С. 56–66.

Smirnova, Polina E. "Historical Roots of Neo-Ottomanism in the Foreign Policy of the Republic of Turkey." *Vestnik NNGU*, no. 1 (2023): 56–66 [In Russian].

Товсултанов, Р.А., Товсултанова, М.Ш., Галимова, Л.Н. Турецкая политическая доктрина "неоосманизма": между символическим и реальным содержанием // СНВ. 2021. № 4. С. 230–234.

Tovsultanov, Rustam A., Tovsultanova, Malika Sh., Galimova, Liliya N. "Turkish Political Doctrine of 'Neo-Ottomanism': Between Symbolic and Real Content." *SNV*, no. 4 (2021): 230–234 [In Russian].

Фитуни, Л.Л., Абрамова, И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>.
Fituni, Leonid L., Abramova, Irina O. "Political Theory of Decolonization: Imperatives of Modern Interpretation." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2020): 26–40 [In Russian].

Шемякин, Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте мировой истории. М.: Наука, 2001.

Shemyakin, Yakov G. *Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History*. Moscow: Nauka, 2001 [In Russian].

Эльмуратов, А. Постколониальная / деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>.

Elmuradov, Aziz. "Postcolonial/Decolonial Critique and International Relations Theory." *Vestnik MGIMO-University*, no. 3 (2021): 23–38 [In Russian].

Adler-Nissen, Rebecca, and Vincent Pouliot. "Power in Practice: Negotiating the International Intervention in Libya." *European Journal of International Relations*, no. 4 (2014): 889–911. <https://doi.org/10.1177/1354066113512702>.

Anghie, Antony. *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Azeez, Ademola, and Segun Oshewolo. "Diplomatic Jobs in Nigeria: Careerists v. Political Appointees." *The Round Table*, no. 4 (2021): 520–521. <https://doi.org/10.1080/00358533.2021.1957237>.

Bugnon, Elsa. "La Formation de Jeunes Diplomates des Pays Nouvellement Indépendants à Genève dans les Années 1960." *Relations Internationales*, no. 1 (2019): 99–110. <https://doi.org/10.3917/ri.177.0099>.

Bugnon, Elsa. "The Training of Young Diplomats from Newly Independent Countries in Geneva in the 1960s." *Relations Internationales*, no. 1 (2019): 99–110 [In French].

Bugnon, Elsa. "Voyage d'études de futurs diplomates des pays émergents en formation à Genève: Une opportunité pour la Suisse de s'exposer." *Traverse*, no. 1 (2018): 172–179.

Bugnon, Elsa. "Study Trip for Future Diplomats from Emerging Countries in Training in Geneva: An Opportunity for Switzerland to Showcase Itself." *Traverse*, no. 1 (2018): 172–179 [In French].

Cheibub, Zairo B. "A Carreira Diplomática no Brasil: O Processo de Burocratização do Itamarati." *Revista de Administração Pública*, no. 2 (1989): 97–128.

Cheibub, Zairo B. "The Diplomatic Career in Brazil: The Bureaucratization Process of Itamaraty." *Revista de Administração Pública*, no. 2 (1989): 97–128 [In Portuguese].

Cornago, N. "Diplomatic Knowledge." In *The SAGE Handbook of Diplomacy*, edited by Costas Constantinou, Paul Sharp, Pauline Kerr. London: Sage, 2016. <https://doi.org/10.4135/9781473957930>.

Der Derian, James. *On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement*. Oxford: Blackwell, 1987.

Doty, Roxanne L. *Imperial Encounters: The Politics of Representation in North-South Relations*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.

Fanon, Frantz. *Black Skin, White Masks*. New York: Grove, 1967.

Fafowora, Oladapo O. *Lest I Forget: Memoirs of Nigerian Career Diplomat*. Lagos: Nigerian Institute of International Affairs, 2013.

Frank, Andre G. *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. New York: Monthly Review Press, 1978.

Garcia, Eugenio. "On How Brazil Almost Became a Permanent Member of the United Nations Security Council in 1945." *Revista Brasileira de Política Internacional*, no. 1 (2011): 159–177. <https://doi.org/10.1590/S0034-73292011000100010>.

Grovogui, Siba N. "Regimes of Sovereignty: International Morality and the African Condition." *European Journal of International Relations*, no. 3 (2002): 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>.

Harris, Jonathan. "Geopolitics of Decolonization: Carnegie Endowment's Diplomatic Training Program 1960–1973." *Geoforum*, no. 124 (2024). <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2024.104067>.

Harris, Jonathan, Ruth Craggs, and Fiona McConnell. "Understanding Diplomatic Training from the Global South: Transnational Networks and (Post)colonial Connections." *Diplomatica*, no. 1 (2023): 121–129. <https://doi.org/10.1163/25891774-bja10098>.

Hobbes, Thomas. *Leviathan*. Oxford University Press, 1996.

Kappeler, Dietrich. "Knowledge Management and Diplomatic Training – New Approaches for Training Institutions." In *Knowledge and Diplomacy*, edited by Jovan Kurbalija, 67–69. Msida: Academic Training Institute, 2002.

Kia, Tambari S. Nwigbo, and Peter A. Ojie. "Foreign Policy Strategy of the Federal Republic of Nigeria 1960–2012: The Missing Link." *Journal of International Relations and Foreign Policy*, no. 2 (2017): 10–27.

Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster, 1994.

Krasner, Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Lake, David A. "The New Sovereignty in International Relations." *International Studies Review*, no. 3 (2003): 303–323. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503001.x>.

Landsberg, Chris, and Costa Georghiou. "The Foreign Policy and Diplomatic Attributes of a Developmental State: South Africa as Case Study." *South African Journal of International Affairs*, no. 4 (2015): 479–495. <https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1124805>.

Leki, Ray S. "Growing Global Resilience Leadership: Working with Diplomats." *Advances in Global Leadership*, no. 12 (2019): 191–205.

Mathieu, Xavier. *Sovereignty and the Denial of International Equality*. London: Routledge, 2021.

Mesquita, Rafael, and Jia Huei Chien. "Do Regional Powers Prioritise their Regions? Comparing Brazil, South Africa and Turkey." *Third World Quarterly*, no. 7 (2021): 1544–1565. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1898280>.

Mbembe, Achille. *Necropolitics*. Durham, NK: Duke University Press, 2019.

McCarty, Teresa L., and Tiffany S. Lee. "Critical Culturally Sustaining / Revitalizing Pedagogy and Indigenous Education Sovereignty." *Harvard Educational Review*, no. 1 (2014): 101–124. <https://doi.org/10.17763/haer.84.1.q83746nl5pj34216>.

McEwan, Cheryl. *Postcolonialism, Decoloniality and Development*. 2nd ed. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315178363>.

McConnell, Fiona, Ruth Craggs, and Jonathan Harris. "Tracing Diplomatic Tutelage: (Post)colonial Pedagogies and the Training of African Diplomats." *International Political Sociology*, no. 3 (2024): olae030. <https://doi.org/10.1093/ips/olae030>.

Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations*:

The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948/1973.

Neumann, Iver B. *At Home with the Diplomats. Inside a European Foreign Ministry*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2012.

Obasanjo, Olusegun. *My Watch*. Lagos: Kachifo Limited, 2015.

Pourmokhtari, Navid. "A Postcolonial Critique of State Sovereignty in IR: The Contradictory Legacy of a 'West-centric' Discipline." *Third World Quarterly*, no. 10 (2013): 1767–1793. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.851888>.

Said, Edward W. *Orientalism*. New York: Grove, 1978.

Schulz, Michael, Fredrik Söderbaum, and Öjendal Joakim, eds. *Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes*. London; New York: Zed Books, 2001.

Shagari, Shehu. *Shehu Shagari: Beckoned to Serve*. Lagos: Heinemann Educational Books, 2001.

Sidaway, James D. "Postcolonial Geographies: An Exploratory Essay." *Progress in Human Geography*, no. 4 (2000): 591–612. <https://doi.org/10.1191/030913200100189120>.

Soliman, Ghada S. *The Making of a Diplomat: the Selection and Recruitment Process in the Egyptian Ministry of Foreign Affairs*. PhD Thesis. The American University in Cairo, 2012.

Standfield, Catriona. "Gendering the Practice Turn in Diplomacy." *European Journal of International Relations*, no. 1 (2020): 140–165. <https://doi.org/10.1177/1354066120940351>.

Trigona, Alex S. "Knowledge and Diplomacy." In *Knowledge and Diplomacy*, edited by Jovan Kurbalija, 70–75. Msida: Academic Training Institute, 2002.

Wallerstein, Immanuel. "World-Systems Analysis." In *Social Theory Today*, edited by Anthony Giddens and Jonathan Turner, 309–324. Cambridge, UK: Polity Press, 1987.

Watson, Adam. *Diplomacy: The Dialogue Between States*. 1st ed. London; New York: Routledge, 1982.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press, 1999.

Zenebe Felek, Mesfin. "The Implications of Ethiopia's Foreign Policy Dynamics Towards the Horn of Africa since 1991." *Cogent Social Sciences*, no. 1 (2023). <https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2287316>.

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Киселева,

младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: kiseleva_ir_v@my.mgimo.ru

Иван Сергеевич Хлудов,

младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Анастасия Игоревна Гладышева,

преподаватель Кафедры международных отношений и внешней политики
России МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

младший научный сотрудник ИВИ РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а

e-mail: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

Артем Константинович Адрианов,

младший научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Валерий Александрович Перунов,

аспирант Кафедры ПАМП МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: perunovw@mail.ru

Сергей Александрович Давыдов,

аспирант Кафедры востоковедения МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: davydov.s.a@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024.

Переработана: 20 декабря 2024.

Принята к публикации: 23 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта ИМИ «Национальные школы
подготовки дипломатов» (№2025-04-05).

Цитирование

Киселева, И.В., Хлудов, И.С., Гладышева, А.И., Адрианов, А.К., Перунов, В.А., Давыдов, С.А.

Дипломатическая подготовка как путь к суверенитету: анализ дипломатических
школ западных стран // Международная аналитика. 2024. Том 15 (4). С. 66–96

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-66-96>

Diplomatic Training and Sovereignty: Insights from Non-Western States

ABSTRACT

The paper examines how the sovereignty of national diplomatic training schools in the Global South influences their standing within the regional subsystems. The study is relevant in light of the growing clout of non-Western countries in global politics and economy, as well as their ever-increasing significance for Russia. We focus on countries that seek to pursue especially proactive foreign policies: Egypt, Iran, Saudi Arabia, and Turkey in the Middle East; Nigeria, Ethiopia, and South Africa in Sub-Saharan Africa; Brazil, Cuba, and Mexico in Latin America. The authors employ a cross-regional comparative analysis of diplomatic training there, supplemented by a biographical method that traces the career trajectories of prominent foreign ministry officials. Our research rests on selected post-structuralist, post-colonial, neo-Marxist, and post-critical approaches to sovereignty in states deemed peripheral or semi-peripheral. Additionally, we take stock of various approaches to diplomacy as an institution and further conceptualize how the indigenous diplomatic practices of individual states shape their role in the region. Our findings partly support the hypothesis that higher levels of sovereignty (sophistication) in national diplomatic training schools help these states to set the (sub)regional agenda. However, high levels of sovereignty in diplomatic training, as opposed to sophistication, do not necessarily translate into a country's ability to set the regional agenda.

KEYWORDS

diplomacy, diplomatic schools, Global South, sovereignty, regional subsystem

Authors

Irina V. Kiseleva,

Junior Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: kiseleva_ir_v@my.mgimo.ru

Ivan S. Khludov,

Junior Research Fellow, Laboratory of Regional Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Anastasia I. Gladysheva,

Lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

Junior Research Fellow, Institute of World History RAS

32A, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia, 119334

e-mail: a.gladysheva@inno.mgimo.ru

Artem K. Adrianov,

Junior Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: artemadrianov1@gmail.com

Valery A. Perunov,

PhD Student, Department of Applied International Analysis,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: perunovw@mail.ru

Sergei A. Davydov,

PhD Student, Department of Asian and African Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: davydov.s.a@my.mgimo.ru

Additional information

Received: November 10, 2024. Revised: December 20, 2024. Accepted: December 23, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant “National Diplomatic Training Schools” provided by the Institute for International Studies, MGIMO University (no. 2025-04-05).

For citation

Kiseleva, Irina V., Ivan S. Khludov, Anastasia I. Gladysheva, Artem K. Adrianov, Valery A. Perunov, and Sergei A. Davydov. “Diplomatic Training and Sovereignty: Insights from Non-Western States.”

Journal of International Analytics 15, no. 4 (2024): 66–96.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-66-96>